

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ЛЮДИ ИСКУССТВА

УЧУСЬ ВСЕГДА

Валерий ИВАНОВ

В ТАЛЛИНСКОМ театре «Эстония» идет опера Верди «Трубадур». Партию Манрико поет Хендрик Крумм. Легкой, пружинистой походкой выходит он на сцену. Замер зрительный зал. А у меня в памяти всплыли обрывки рецензий, мнения специалистов, поклонников: «...подобное исполнение приходится слышать далеко не часто», «это один из крупнейших теноров мира», «Крумм — оперный певец, которому по плечу самые трудные партии...»

Нет сомнения, все это так, и все это Крумм продемонстрировал и в этот вечер. Партия Манрико совершенна в его исполнении. Голос, внешность, обаяние, мужественность помогают артисту создать редкий по выразительности образ рыцаря-трубадура. Манрико Крумма — прежде всего героическая натура, воин-освободитель, беспрепятственно верный долг. Взлетая, его голос несет с пламенной силой, полный волевой энергии. Становится совершенно ясным, почему знаменитая «Кабалетта» в свое время стала революционной песней в Италии. Драматическая игра Хендрика Крумма безупречна — ни одного неуместного жеста, ни одной случайной мизансцены. Всю партию он поет в тональности оригинала, справляясь с высокой tessitura, особенно трудной при современном завышенном оркестровом строе.

Таков Крумм сегодня. На его примере мы еще раз убеждаемся, что талант — не только сплав своеобразных и неповторимых качеств, не только глубочайшая преданность избранному делу, но и заботливость. Природа художника не безгранична. И надо быть рачительным хозяином, надо приумножать данное тебе «от бога», тогда творчество становится значительным и ценным. Хендрик Крумм — выдающийся певец, наделенный красивым голосом, владеющий мастерством фразировки, большим дыханием, вместе с тем и бережный хозяин своего таланта. Отсюда редкая стабильность этого тенора.

Увлечение скульптурой, резьбой по дереву привило артисту острое чувство характерности, помогло овладеть грифом, пластикой роли. Спорт, которому отдаётся немало времени, делает его выносливым, способным самые трудные партии петь легко, без напряжения. Большие знания и любовь к художественной и музыкальной литературе позволяют свободно ориентироваться в репертуаре. А дар мастерового, умеющего построить по собственным чертежам камин, дом, нерасторжимая связь с родным краем, с суровой жизнью сааремских рыбаков говорят нам о том, что этот артист — интеллектуал, есть нечто ярко ощущается: в душевной чистоте, мудрости и вместе с тем юмор, умение довеселиться, от чисто человеческой щедрости в любых проявлениях. И вот все это, собранное воедино, помогло

и вспоминает Крумм. Выручает его характер сааремца. Он добивается встречи с известным педагогом по вокалу профессором Таллинской консерватории Александром Ардером, воспитателем плеяды эстонских оперных певцов, в прошлом одним из замечательных вокалистов Эстонии. Маэстро послушал его и, не откладывая, начал заниматься.

Многие ученики А. Ардера вспоминают, что занятия он проводил по своему, очень своеобразному методу. Учитель мог простить плохую интонацию, но не прощал холодности, бессодержательности. А. Ардер добивался от будущих исполнителей творческих взлетов, их первых личных рекордов. Нечто подобное произошло и на уроке Хендрика. Одно упражнение преодолевалось за другим, и вдруг маэстро остановил: «Хватит! Сегодня мы брали «до» и даже «ре-бемоль»! То, что не удавалось механическим путем, родилось в творческом напряжении, родилось неожиданно и теперь уже стало возможным.

Через полгода работы с А. Ардером Х. Крумм по совету педагога начинает петь в хоре театра «Эстония». Работоспособность и артистическая выразительность молодого хориста позволяют доверить ему небольшие партии в спектаклях. И вот на гастролях в Ленинграде, на одном из концертов он поет с оркестром театра арию Калафа из оперы Пуччини «Турандот». Ленинградцы принимают его восторженно. В 1961 году молодому тенору театр предлагает первую сложную партию — Ричарда в опере Верди «Бал-маскарад». И вот он солист «Эстонии». Осуществляется давняя мечта.

После исполнения партии Радамеса в «Аиде» Д. Верди и участия в 1962 году во Всесоюзном конкурсе вокалистов имени М. Глинки Х. Крумма направляют на стажировку в знаменитый театр «Ла Скала». Три сезона, проведенные им в Италии, дали возможность не только вырасти мастерству певца, но и расширить репертуар. Он подготавливает партии Каварадосси в «Тоске», Герцога в «Риголетто» и Альфреда в «Травиате», приступает к партии Манрико в опере «Трубадур». Голос артиста стал звучать во всех регистрах округленно, свободно, ему доступны теперь все краски звуковой палитры. Обогащается и его сценическое искусство. Вернувшись на Родину, Крумм активно включается в театральную и концертную жизнь.

— Вы много выступаете с камерными программами. В одном концерте часто поете музыку самых разных композиторов. Почему вы выбираете столь разнохарактерный и к тому же сложный репертуар? — спрашиваю я Хендрика.

— Для меня подобный ре-

пертуар не сложный, а интересный, — отвечает певец. — Он требует тщательного отбора вокального материала, продуманности каждой детали, жеста, доверительности интонирования. Чем это достигается? Прежде всего стараюсь не «перепрыгивать» самого себя. Голос — это мой инструмент, а всякий инструмент требует уважительного отношения и тренировки. Учусь сам, учусь у своих твориц. Работа с дирижером Н. Ярви, режиссерами У. Вяльяютсом и А. Микком, совместные выступления с певицей А. Кааль, каждодневные репетиции — вот что спрессовывает будни и делает радостными праздники.

Годы идут. Хендрик Крумм готовит новые партии, новые концертные программы. Имя его становится широкоизвестным. Его приглашают в Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Японию, Финляндию. Он частый гость в Большом театре СССР и Ленинградском театре имени Кирова.

Однако, несмотря на широкую географию выступлений,

родной дом — театр «Эстония» — самая желанная сцена. Здесь кузница его ролей, здесь воплощаются заветные замыслы, рождаются столь дорогие ему образы национальных героев.

Не случайно одной из его больших удач является партия Неземе, вожака народного

восстания в опере эстонского композитора Э. Каппа «Огни мицции». В ней привлекают благородство, одухотворенность человека из народа.

«Ему многое дано, — говорит режиссер театра У. Вяльяютс, — и прекрасный голос с удивительным северным тембром, и артистический темперамент. Его уважают коллеги, потому что он настоящий товарищ, преданный, искренний, скромный. В нем нет ничего

«теннера» — балдящий публики. Он настоящий артист, если так можно выразиться, рыцарь оперы, влюбленный в сцену.

• Народный артист Эстонской ССР Х. Крумм. Фото Г. Вандла.

и он оказался в судьбоносном училище. Прозанимались три года, певец почувствовал, что сдвигов в был самим тяжелым в жизни. «Признаюсь, случались минуты крайнего — отчаяния, —

и он оказался в судьбоносном училище. Прозанимались три года, певец почувствовал, что сдвигов в был самим тяжелым в жизни. «Признаюсь, случались минуты крайнего — отчаяния, —

и он оказался в судьбоносном училище. Прозанимались три года, певец почувствовал, что сдвигов в был самим тяжелым в жизни. «Признаюсь, случались минуты крайнего — отчаяния, —